

УДК 13:316.42:37.01

О ВЫВЕДЕНИИ КАТЕГОРИЙ В ГЕГЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКЕ

Мотренко Т.В., Гаврилюк В.А. (г. Киев)

Аннотации

В статье дается анализ выведения категорий в гегелевской логике; логического развертывания категорий при условии органического единства индукции и дедукции, раскрывается процесс логического развертывания понятий; показываются преимущества гегелевского метода построения системы.

In the article the analysis of leading out of categories in Hegel logic is given; logical development of categories on condition of organic unity of induction and deduction, the process of logical development of concepts are opened up; advantages of Hegel method of construction of the system are shown.

Ключевые слова

КАТЕГОРИИ, ГЕГЕЛЕВСКАЯ ЛОГИКА, ПРИНЦИП, ПОНЯТИЯ, ВЫВЕДЕНИЕ КАТЕГОРИЙ, ИНДУКЦИЯ, ДЕДУКЦИЯ, САМОСТАНОВЛЕНИЕ, НАЛИЧИЕ БЫТИЯ

Вступление

Одним из важнейших достоинств гегелевской системы логических категорий, отмечаемых практически всеми исследователями, является их строгое выведение из простого начала, что обеспечивает их необходимую связь и подчинение системы единому принципу. Однако эти несомненные достоинства гегелевского метода построения системы во многом скрадываются факторами, обусловленными объективно-идеалистическим рационализмом немецкого мыслителя, в частности, его истолкованием понятия как единственной творческой силы, способной из самой себя вывести, «произвести» все многообразие логических форм и определений,

«...Понятие, – пишет он в Энциклопедической логике, – есть та бесконечная форма, или свободная творческая деятельность, которая для своей реализации не нуждается в находящемся вне ее материале» [5, с. 347]. И далее: «Понятие... не есть только бытие, или непосредственное, в него входит также и опосредствование; последнее лежит в нем самом, и понятие есть опосредствование через себя и самим собой» [5, с. 347].

О том, как в действительности обстоит дело с выведением одних категорий из других, главное было сказано нами в работе (2), где мы, ссылаясь на исследования Э.В.Ильенкова, в частности, показали, что этот процесс может быть продуктивным лишь при условии органического единства индукции и дедукции, т.е. логического развертывания определений понятия с непременным выходом в эмпирию, в сферу представлений и что только при соблюдении названного условия выведение окажется содержательным и позволит избежать произвола в построении системы и в истолковании категорий.

Однако как абсолютный идеалист Гегель какой-либо выход в эмпирию категорически исключает. Иными словами, он полагает, будто выводит *содержательно новые* положения из *чистого* мышления, из *глубин самого по себе понятия*. Но на самом же деле, как говорилось, всякое действительное продуктивное мышление представляет собой переработку представлений в понятия. Стало быть, когда мы, по мнению Гегеля, «заглядываем» в упомянутые таинственные глубины, то на самом деле, напротив, мы как раз *выходим* в сферу представлений, т.е. движемся не *внутри* этих глубин понятия, а, наоборот, *вовне*, тем самым подтверждая, кстати, истинность гегелевского тезиса, что *только внутреннее есть только внешнее* [4, с. 167–168].

Но, поскольку Гегель все же полагает, будто он *сузубо логически* выводит новые положения, в данном случае – новые определения логических категорий, из глубин самого по себе чистого понятия, не прибегая к представлениям, то он и *излагает* свою Логiku соответственно. А именно, он, как правило, не показывает ту *предметность*, которую он, размышляя, непосредственно имеет в виду, иначе говоря, предметность, которая *витает в его представлении* и которую он на самом деле из формы представлений переводит, перерабатывает в понятия. При этом он, однако, всерьез считает, будто эти *новые* понятия берутся из глубин «старых», предшествующих понятий, которые у него имелись ранее, а не из упомянутых представлений. Поскольку в действительности всякое понятие так или иначе связано с представлением, которое, как «двойник», «сопровождает» его, то Гегель мог и не замечать, что он имеет дело не только с понятием, а и с представлением, и, таким образом, впасть в иллюзию, будто представление как таковое здесь не участвует и выведение нового содержание – продукт одного лишь чистого понятия. А будучи уверенным в этом, он и излагает процесс логического развертывания понятий так, будто новые понятия *полагаются* исключительно развертыванием «старых» понятий, *не показывая* тех представлений, за счет которых и возникает «прибавочное» понятийное содержание. Они, эти представления, постоянно остаются у него «за кадром», а значит, *двуединый* по своей природе процесс продуктивного мышления, представляющий собой единство индукции и дедукции, фактически изображается Гегелем, вопреки его заверениям, как *односторонне дедуктивный*.

Характерной иллюстрацией сказанного может служить гегелевское выведение становления из единства бытия и ничто. Отмечая рациональное содержание гегелевского анализа данного понятия, В.И.Шинкарук вместе с тем пишет: «Однако этот подход прикрыт в его логике идеалистической формой «выведения» «чистого» понятия из «чистого» же понятия. Гегель не обосновывает, почему истиной бытия и ничто является становление, он просто утверждает это. Реальный смысл этого утверждения остается «за спиной» идеалистически интерпретируемого движения категорий, совершающегося якобы в «эфире чистой мысли». Но если бы Гегель на самом деле попытался дедуцировать категорию становления из чистого

бытия и ничто без выхода за эти понятия в сферу реального познавательного процесса и той действительности, которую отображает этот процесс, то ничего бы из этой дедукции у него не получилось» [7, с. 211].

Следует подчеркнуть, что такого рода *ложная видимость* сугубо логического вывода у Гегеля – не поодинокий случай, как может показаться на первый взгляд. Она встречается на каждом шагу, причем не всегда столь безобидна, как в случае со становлением. Этим, в первую очередь, обусловлены многие «узкие места» гегелевской системы категорий. Более того, целый ряд положений логики Гегеля, отображающих уровень науки того времени, а то и личные, сугубо субъективные предпочтения мыслителя, изображаются им как якобы строго логически выведенные и потому абсолютно необходимые и достоверные, тем самым сбивая с толку и его самого, и других, поверивших в него. Ибо, выведя «строго логически» некое положение, сам автор поневоле начинает полагать, что иначе и быть не может; разумеется, это ведет к консервации и абсолютизации неких относительных, имеющих лишь «промежуточное» значение, научных положений.

Чтобы аргументировать эту мысль, мы рассмотрим под этим углом зрения ряд других положений гегелевской логики, касающихся того же понятия становления, а именно: попытку «вывести» аналогичным образом завершение становления и его результат – наличное бытие, показав при этом, что Гегель здесь впадает в точно такую же иллюзию, которая, однако, в отличие от вышеупомянутой, повлекла за собой ошибочные следствия.

Гегель ставит вопрос: «каким образом становление приходит к тому, чтобы не оставаться одним лишь становлением, а иметь еще вдобавок некий результат?» [5, с. 228]. Иными словами, почему становление, во-первых, не должно продолжаться бесконечно долго, а обязано рано или поздно завершиться и, во-вторых, породить при этом некое определенное ставшее?

Для материалиста, который понимает становление прежде всего как реальный процесс возникновения нового из старого, как порождение одним конечным предметом другого конечного предмета, вопрос покажется праздным, ибо ясно, что старый предмет, в силу его конечности, непременно исчезнет, породив за конечное время другой. Иначе говоря, становление с необходимостью будет иметь завершение: бесконечное становление нового означало бы бесконечно долгое сохранение старого как упраздняющегося, но еще не упраздненного, что противоречит его конечной природе.

Для Гегеля, который желает вывести новое понятие и все его определения из предыдущих, ничего не заимствуя извне, не «заглядывая» в объективную реальность, это, наоборот, животрепещущий вопрос. Вот как он его решат: «Становление содержит в себе бытие и ничто, причем таким образом, что они полностью переходят друг в друга и взаимно снимают одно другого. Становление, таким образом, оказывается

безудержным движением, но оно не может удержаться в этой абстрактной подвижности, ибо так как бытие и ничто исчезают в становлении (лишь это исчезновение и составляет понятие становления), оно, следовательно, само есть некое исчезающее, огонь, который потухает в самом себе, пожрав свой материал» [5, с. 228].

Итак, по Гегелю, становление должно завершиться, ибо содержащиеся в нем бытие и ничто снимают друг друга, образно говоря, друг друга «пожирают», нейтрализуют и тем самым ставят конец становлению, так как последнее имеет смысл постольку, поскольку упомянутые противоположности – бытие и ничто – еще живы, еще не прекратили своего безудержного движения.

Присмотримся поближе к этой аргументации. Присущее становлению чистое бытие равно и не равно ничто по природе своей. Следовательно, это противоречивое их «единство» имеет место на всем протяжении становления, в любой временной «точке» его, а значит, и в самое первое мгновение становления. Очевидно также, что в любое мгновение становления бытия и ничто безудержно переходят друг в друга, причем переходит мгновенно, переходят «без перехода», ибо, как пишет Гегель, здесь бытие в ничто и ничто в бытие «не переходит, а перешло», т.е. не успев начаться, этот переход завершается: каждая из этих противоположностей, появившись из другой, тут же исчезает в ней. Допустить обратное – значит допустить совершенно неприемлемый здесь тезис, будто в ходе становления сначала появляется бытие, затем, через некоторое время, оно переходит в ничто, а последнее, еще через время, опять переходит в бытие.

Но если они переходят друг в друга мгновенно, то уже в самое первое мгновение становления они снимают, пожирают, поглощают друг друга, а значит, и снимают, прекращают самостановление, и оно поэтому должно завершиться, практически не начавшись: его начало должно оказаться в буквальном смысле его концом. Становление тогда «стянется» в безразмерную «точку» во времени, практически исчезнет.

Как быть? Как «растянуть» его во времени? Очевидно, лишь допустив, что в момент начала становления бытие и ничто, хотя и безудержно взаимопереходят, однако друг друга не «пожирают», остаются нетронутыми. Но тогда никак нельзя будет доказать, что они это сделают (снимут, «пожрут» друг друга) во второе, следующее за ним, мгновение, стало быть, и в третье, десятое и т.д. до бесконечности! Иными словами, приняв вышеупомянутое допущение (которое само по себе, а тем более – для Гегеля, неоправданно, ибо оно есть допущение *ad hoc*, есть прямое заимствование из внешней реальности), мы никак не сможем доказать, что становление когда-либо завершится, – наоборот, мы вынуждены будем признать, что оно будет продолжаться вечно. Разумеется, если мы опять не заимствуем извне некое содержание.

Понятно само собой, что Гегель «избежал» этих затруднений только лишь потому, что, конструируя свою логическую модель, он вовсе не выводил из чистого понятия становления столь же чистое понятие его

конца, а имел перед собой, в своем представлении, образ реального процесса становления реальных предметов. Ссылка не огонь, который потухает сам в себе, хотя и служит якобы лишь иллюстрацией сугубо спекулятивного движения мысли, на самом деле указывает точный адрес, откуда черпает Гегель содержание понятия становления и атрибутивных характеристик его. Это, повторяем, общее *представление* о становлении реальных предметов, которое он переплавляет в понятие.

Однако пойдем дальше. Результатом становления, т.е. *ставшим*, является, по Гегелю, наличное бытие. Вот как выглядит его аргументация. Охарактеризовав становление как «неустойчивое беспокойство», которое, из-за вышеупомянутого безудержного движения бытия в ничто и ничто в бытие, само себя разрушает и «оседает, переходя в некоторый спокойный результат», Гегель далее пишет: «Этот результат есть исчезновение (*Verschwindensein*), но не как *ничто*; в последнем случае он был бы лишь возвратом к одному из уже снятых определений, а не результат ничто и *бытия*. Этот результат есть ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто. Но спокойная простота есть *бытие*, однако бытие уже более не для себя, а бытие как определение целого.

Становление как переход в такое единство бытия и ничто, которое дано как *сущее* или, иначе говоря, имеет вид одностороннего *непосредственного* единства этих моментов, есть *наличное бытие*» [3, с. 167].

Эти выкладки, свидетельствующие кстати, о тончайшей логической проработке сути дела, произведены, однако, с оглядкой на то, что результатом становления должно оказаться определенное бытие. Иначе говоря, они основываются на предположенном представлении, что становление есть становление определенности, а не чего-то другого, – представлении, которое уже содержит в себе то, что, по Гегелю, надобно логически вывести из предшествующих «чистых» понятий. Осуществляя такое «чистое» выведение, Гегель на самом деле незаметно (в т.ч., наверное, и для самого себя) «присоединяет», вклинивает это представление в ход мысли, внося в нее именно то «прибавочное содержание», благодаря которому и получается новый результат. Следовательно, вместо «филиации идей» мы здесь имеем, в полном соответствии с материалистической логикой, переработку представлений в понятия. Однако посмотрим, как это делается в данном случае.

По Гегелю, результатом становления является спокойное единство бытия и ничто. Почему спокойное? Потому что беспокойное их единство имело место на стадии становления, а коль становление завершилось, то, значит, прекратилось и упомянутое беспокойство; допустить обратное – значит по существу полагать, что становление продолжается. Почему единство? Почему не разъединить бы их (бытие и ничто), дабы прекратить их «безудержное движение друг в друга»? Потому что при разъединении мы получили бы «в одном месте» чистое бытие, которое, в силу своей «чистоты», тут же перешло бы в чистое ничто и началось бы опять их безудержное движение, как при становлении, а «в другом месте»

оказалось бы чистое ничто, которое по той же причине перешло бы в чистое бытие с теми же последствиями. Иначе говоря, их разъединение отбросило бы нас назад, на стадию становления, а речь ведь идет о завершившемся становлении. По той же причине нельзя допустить, будто эти противоположности полностью уничтожают друг друга или одна из них «пожирает» без остатка другую, – в любом случае мы получим то ли «голое» бытие, то ли «голое» ничто, которые без своей противоположности окажутся «чистыми», – и все опять повторится, как при становлении. Следовательно, у нас нет иного выхода, кроме как допустить, что в результате становления и бытие, и ничто должны сохраниться, причем – в единстве; однако это единство должно быть спокойным. Но как достичь этого спокойствия, если эти «драчуны» так и норовят опять «учинить беспокойное движение?» А примерно так, как мы обычно поступаем с драчунами, когда нет возможности их разъединить: их связывают или, философски выражаясь, ограничивают. А «ограниченный» и есть «определенный». Стало быть, мы получаем единство определенного бытия и определенного ничто – единство, в котором бытие непременно будет превалировать над ничто, ибо ничто есть в любом случае ничто, а вот бытие, поскольку оно определено, уже не равно ничто, не переходит, не исчезает в ничто, а остается. Оно теперь – «хозяин положения» (хотя и заключает в себе в снятом виде ничто – определенное ничто). Потому-то Гегель и пишет: «Небытие, принятое в бытие таким образом, что конкретное целое имеет форму бытия, непосредственности, составляет определенность, как таковую» [3, с. 170]. Красиво, не правда ли? Вот только вышеописанное решение («связать», ограничить, определить противоположности), как мы видели, никак «чистым образом» не вытекает из «чистых» понятий бытия и ничто, каковыми они имелись у нас до этого решения. Такое решение Гегель мог заимствовать лишь из представления, из логики реальной жизни. И еще: драчунов связывает, ограничивает кто-либо из посторонних, например, милиция. А кто «связывает» чистое бытие и чистое ничто? Неужто сами себя? Но на это вряд ли можно рассчитывать уже хотя бы потому, что никакого иного «свойства», кроме способности исчезать друг в друге и тут же вновь появляться, они не имеют. Способность ограничить друг друга в момент завершения становления должна быть им приписана, заимствована опять-таки извне, из представления.

Однако перейдем к заключительной фазе обсуждаемого вопроса. Согласно Гегелю, возникшее в результате становления определенное бытие есть наличное бытие.

Откуда берется это утверждение? Следует ли оно логически из предшествующих выкладок? Никак нет; есть лишь голая констатация: одностороннее непосредственное единство бытия и ничто (т.е. определенное бытие) есть наличное бытие. Еще любопытней этот переход изложен в Энциклопедической логике: «В становлении бытие как тождественное с ничто и ничто как тождественное с бытием суть лишь исчезающие моменты; благодаря своему внутреннему противоречию

становление впадает (fällt) в единство, в котором оба момента сняты. *Результат* становления представляет собой, следовательно, *наличное бытие*» [5, с. 227].

Это «следовательно» великолепно! Придавая последнему утверждению форму логического вывода, оно точнейшим образом диагностирует, как обстоит дело с гегелевским «чистым выведением». Ибо в последнем случае вообще нет и не может быть какого бы то ни было логического следования¹

Как нами было показано [1, с. 33–35], определенное бытие и наличное бытие – не тождественные понятия. Это характеристики различных ступеней развития предмета. Новое может быть определенным, но не иметь наличного бытия. Оно может обладать скрытой формой бытия, т.е. существовать через другой предмет и в другом. Именно этот последний будет располагать наличным бытием, а само новое, в нем обретающееся, обладая определенностью, будет пока лишено наличной данности. Это четко прослеживается при развертывании стоимостного отношения: стоимость в готовом товаре определенно есть, но наличным бытием пока не располагает; таковое она приобретает только в акте обмена товара на товар; в товаре до обмена она содержится в *скрытой* форме. Как пишет Маркс, стоимость товаров «тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость ... не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать в нем что вам угодно, он как стоимость... остается неуловимым» [6, с. 56]. «Ни в какой микроскоп стоимость товара не заметишь, даже если на привязанной к нему этикетке нарисована астрономическая цена, и никакие «шевеления» внутри товара не обнаруживают находящуюся в нем стоимость как таковую» [1, с. 34].

Мы здесь имеем дело с обстоятельством, которое наши философы явно просмотрели, не придали ему надлежащего значения, а главное – не осмыслили его на категориальном уровне, что предопределило неудачу всех попыток эксплицировать логику «Капитала» и, в конечном итоге, – попыток построить мало-мальски адекватную модель диалектической логики как теории развития и теории познания. И повинен в этом в известной мере также Гегель, который якобы «строго логически» доказал, что после становления непосредственно следует наличное бытие, что, стало быть, определенное и наличное бытие суть одно и то же. Авторитет Гегеля, несомненно, сыграл здесь не последнюю, причем отрицательную, роль.

Следовательно, непосредственно перейти от становления к наличному бытию, непосредственно вывести второе из первого никак нельзя: между ними лежит, разделяя их, целая ступень развития. Правда, во времена Гегеля этот последний факт не был еще осознан в теоретической форме, ибо ни одна из научных теорий (а упомянутый феномен может быть осознан только на теоретическом уровне) в те времена еще не показала на примере развертывания своего предмета, что

он неизбежно проходит «скрытую стадию», т.е. что ему поначалу присущ такой особенный способ бытия, когда он, располагая уже определенностью, не может, однако, еще предстать как налично данный предмет. Причем, напоминая, здесь речь идет не о скрытости предмета от нас, не о нашем неумении или неспособности обнаружить его в другом предмете (как раз последнее человек и способен выявить и понять с помощью теоретического разума), а об объективно присущем самому предмету способе бытия, когда он «лишен внешности» – у него на этой стадии попросту нет такого атрибута. Иначе говоря, подобно тому как предмет может не иметь собственных оснований, собственной формы, т.е. способен существовать на чужих основаниях, облекаться в чужую форму, так же он (точнее, новое в предмете) может не иметь собственной внешности, но не в банальном или образном смысле слова, а в том смысле, что оно присутствует в другом предмете как некое овеществленное в нем отношение. Это отношение и есть его, нового, собственное «тело». Но выявить его (дать ему «внешность», наличное бытие) новое сможет только тогда, когда предмет, в котором оно овеществлено, вступит в надлежащие реальные отношения с другими предметами, причем именно такие отношения, которые позволят актуализировать, привести в действие скрытое новое.

Именно этот теоретический факт, повторяем, не был известен Гегелю, и потому он при рассмотрении результатов становления довольствовался обыденными представлениями своей эпохи, обыденным «здоровым смыслом», для которого быть, быть ставшим и быть в наличии есть одно и то же. А разве может быть иначе? Коль предмет возник, то он должен где-то наличествовать как таковой! Заметим, что с точки зрения обыденного здравого смысла столь же нелепым кажется различие бытия и существования, ибо коль нечто есть, то, следовательно, оно где-то и как-то существует! Гегель сделал очень много, чтобы разрушить это последнее предубеждение обыденного здравого смысла. Однако предубеждения насчет тождества определенного бытия и наличного бытия он преодолеть не смог, и виной тому – не некий «сбой» в гегелевском «чистом выведении» понятий, а неразработанность теории реальных развивающихся предметов и философской теории развития как объективного процесса. «Чистое выведение» как раз наглядно демонстрирует здесь свои пределы, границы своих возможностей.

Попытка представить все логические категории как закономерно вытекающие из мистических глубин понятия стала причиной также ряда серьезных деформаций самой категориальной системы Гегеля. Покажем это на примере категорий формы и содержания. В.И.Шинкарук не без сарказма отмечал, что в четырех вариантах системы логики, предложенных в свое время Гегелем, форме и содержанию отводилось каждый раз некое другое место в системе, причем каждое из таких решений «строго логически» обосновывалось как необходимое.

Сам этот факт, конечно же, весьма показателен, свидетельствующий, кстати, о том, что возможности абсолютного понятия «очень сильно

преувеличены» Гегелем. Но, на наш взгляд, дело здесь не только и не столько в нахождении «уютного» места в системе для означенных категорий, а в соображениях более глубокого порядка.

Рассмотрению формообразований определенного основания (к коему он относит формальное, реальное и полное основание) Гегель в Большой логике предпослал анализ категории формы (а точнее – соотношений формы и материи, формы и сущности, формы и содержания), подведя их под рубрику «абсолютное основание» [4, с. 73–83]. Однако такое решение представляется надуманным и ошибочным, ибо ни одно из перечисленных отношений нельзя однозначно квалифицировать как отношение основания и обоснованного. Разумеется, моменты сходства между ними (например, между отношением формы и содержания, с одной стороны, и отношением основания и обоснованного, с другой) непременно найдутся уже хотя бы потому, что категории действительного бытия (к коим принадлежат форма и содержание) в снятом виде заключают в себе моменты категорий реального бытия, стало быть, и моменты отношения основания и обоснованного. Однако упомянутые моменты сходства носят вторичный характер и никак не выражают специфику сопоставляемых категорий. Форма организует, упорядочивает содержание предмета, тогда как основание – обосновывает его, дает ему «подпорки», благодаря которым предмет способен относительно самостоятельно существовать, функционировать и которые служат средством осуществления такого функционирования. Разумеется, форма тоже придает предмету устойчивость, и поэтому можно сказать, что по отношению к нему она тоже выполняет роль неких «внутренних подпорок», оснований. Но нетрудно видеть, во-первых, что здесь мы имеем дело с метафорой, а не с действительным отношением обоснования, и, во-вторых, на роль таких метафорических «подпорок» вещи могла бы претендовать масса других (если не большинство) атрибутов, которые придают ей определенность, а стало быть, и некую устойчивость (например, качество, мера, закон, необходимость и т.п.) и которые в силу этого, если следовать вышеупомянутой гегелевской аргументации, тоже следовало бы квалифицировать как основания, что неверно по существу.

Выводы

Думается, однако, что Гегель подвел форму под рубрику «абсолютное основание» не только и не столько потому, что ему, по мнению В.И. Шинкарука, не удалось подыскать для нее более подходящее место в системе категорий логики, а прежде всего из соображений и потребностей предложенного им метода построения своей системы как процесса выведения категорий из чистого понятия. Как уже отмечалось, такое выведение, «выколупывание» из стихии чистого понятия содержательно новых определений на деле оказывается искусно прикрытым, завуалированным *внешним* заимствованием этого нового содержания из представлений. Одним из приемов такого *вуалирования* является (скорей всего, стихийное) использование категорий более высоких ступеней логики в процессе анализа категорий низших ступеней.

Как известно, категории высших ступеней содержат в себе в снятом виде содержание предыдущих категорий. Стало быть, если мы привлечем такую (содержательно более развитую) категорию для анализа категорий низшей ступени (а для этого ее нужно всего лишь переместить на одну-две ступени ниже – из сферы действительного бытия в сферу реального или наличного бытия), то у нас появляется реальный шанс осуществить сугубо логическое выведение новых определений без каких-либо заметных внешних заимствований из представлений, ибо это новое определение в снятом виде уже содержалось в упомянутой более конкретной категории. Иначе говоря, при этом создается ложная видимость, будто мы чисто логическими средствами осуществляем выведение новых категорий, хотя на самом деле мы просто актуализируем уже имеющееся (но скрытое) содержание. Однако за такую видимость приходится платить непомерно высокую цену, ибо результатом ее оказывается глубокая деформация самой системы категорий, вызванная неоправданным их перемещением в рамках системы.

Перспективы дальнейших научных разработок – анализ категорий гегелевской диалектики и их значение для современного развития общества.

Источники

1. Гаврилюк В.А., Мотренко Т.В. Основные ступени развития. – К.: Слово, 2006. – 47 с.
2. Гаврилюк В.А., Мотренко Т.В. Проблема логического выведения системы категорий теории развития. – К.: Слово, 2007. – 47 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 248 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – 452 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – 773 с.
7. Шинкарук В.И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля. – К.: Изд-во Киев. ун-та, 1964. – 295 с.

Статья поступила 05.05.2008 г.